

Елена Здравомыслова, Анна Темкина

РОССИЙСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И СЕКСУАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

(вместо введения)

Сексуальная жизнь давно стала признанной областью социологических, культурологических, исторических, психологических, психоаналитических, антропологических и философских исследований. Однако традиции советского обществоведения и закрытость публичного дискурса долгое время препятствовали развитию данной области в России. Исключение составляли проводимые с 1970-х годов исследования И. Кона и С. Голода, которые заложили основы изучения данного предмета в современной российской социальной науке.

В 1990-е годы сексуальность становится легитимной областью исследований. Этому способствовало как открытие публичного дискурса, так и изменение структуры социального знания. Сексуальность в разных аспектах репрезентирована в средствах массовой информации, в публицистической и профессиональной литературе, на политической арене. Результаты западных теоретических и эмпирических исследований постепенно становятся доступными российскому читателю. Позитивистские, социально-конструктивистские и постструктуралистские парадигмы определили различные теоретические интерпретации сексуальности. Одновременно обнаружился недостаток эмпирического знания о таких социально-стратификационных различиях в интерпретациях и опытах сексуальной жизни, как средовые, поколенческие, возрастные и гендерные. Вплоть до настоящего времени на русском языке опубликованы только единичные работы, посвященные анализу опыта и репрезентациям сексуальности (см., напр.: Голод 1999, Жеребкина 1998,

1999, 2000а, 2000б, Кон 1997, Омельченко 1999а, Роткирх 1997, Темкина 1999а, см. также: Другое поле 2000).

Для того чтобы восполнить недостаток теоретического и эмпирического знания, в январе 2001 года в рамках программы гендерных исследований Европейского университета в Санкт-Петербурге была проведена конференция «Сексуальность и гендер», на которой социологи и культурологи обсуждали результаты коллективных и индивидуальных научных проектов, выполненных в последние годы. Результаты этих исследований представлены в настоящем сборнике.

Предметом интереса большинства авторов являются интерпретации опыта сексуальной жизни и репрезентации сексуальности различных социальных групп в конкретных исторических и политических (властных) контекстах.

Книгу открывает статья Игоря Кона, в которой рассматриваются тенденции изменения сексуальности в современном обществе. Эти тенденции характеризуются общими процессами либерализации, индивидуализации и плюрализации, в результате чего предметом исследований становится не сексуальность вообще, а разнообразные сексуальности и различные сексуальные культуры. Данная макротенденция определяет дискурсивный контекст большинства представленных в сборнике текстов.

Либерализация выражается, прежде всего, в том, что сексуальность становится автономной сферой общественной жизни, сложной, дифференцированной и регулируемой экспертными системами. На этом фоне происходит отделение сексуального поведения от репродуктивного, расширение возрастных рамок сексуальной активности, повышение внимания к телу, изменение в системе гендерных отношений, рост толерантности в сфере сексуальной морали, нормализация гомосексуальности. Одновременно с либерализацией современная сексуальная жизнь становится коммерциализированной и более подверженной манипулированию со стороны массмедиа.

Либерализация сексуальности в российском обществе имеет свои структурные особенности. Они обусловлены сложным культурным наследием сексуальных экспериментов начала XX века, государственной монополией репродуктивного контроля сталинского периода, приватизацией сексуальной жизни постсоветского времени. Суть либерализации постсоветского периода заключается в переходе от лицемерной сексуальности к аутентичной. Ли-

цемерная сексуальность старших поколений характеризуется умалчиванием и низкой степенью рефлексивности. Аутентичная сексуальность нового поколения — разнообразна, информирована, артикулирована. В современном российском дискурсе сексуальность нормализована и биологизирована. «Естественность» сексуальности утверждается разными дискурсами, принудительно воздействующими на нормы поведения.

Современная фаза либерализации сексуальности в России сопровождается усилением эссенциализма в интерпретации гендерных ролей. Мужчинам и женщинам приписываются различные сексуальные потребности и поведенческие нормы. Эмансипация сексуальности дискурсивно проявляется в утверждении двойного стандарта в отношении полов. Этот тезис развивается многими авторами данного сборника, исследующими разные аспекты гендерно-стратифицированной сексуальности.

Тенденции изменения мира сексуальности, по мнению И. Кона, находят свое выражение в разработке новых подходов и теоретических рамок изучения этой сферы жизни, в междисциплинарности исследований, во все большем внимании к субъективным значениям интимных отношений. Большинство авторов сборника рассматривает сексуальность как социальный и культурный конструкт; фокусом анализа являются литературные и биографические тексты — дискурсивные репрезентации. Конструкционистский подход позволяет анализировать не только структурные рамки, обеспечивающие социальное воспроизводство, но и рефлексивные действия индивидов и групп, создающие новые социальные отношения. Изменения в сфере сексуальной жизни находят выражение в многообразии стратегий, нарушающих сложившийся гендерный порядок.

В первом разделе сборника представлены культурологические исследования Александра Эткинда и Ирины Жеребкиной, посвященные российскому дискурсу о гомосексуальности и женской сексуальности. Эти работы отсылают читателя к концу XIX—первой половине XX века и представляют контекстуальные рамки для более позднего прочтения наиболее дискутируемых аспектов современной сексуальности. Особенно важную роль в развитии российской сексуально-эротической культуры сыграл Серебряный век.

А. Эткинд реконструирует процесс создания языка, описывающего однополую любовь (впоследствии названную гомосексу-

альностью) в «высокой» литературе. В. Розанов обозначает гомосексуальность, используя метафоры, связанные с луной (Луна, *люди лунного света*). Эти метафоры становятся устойчивыми, приживаются в русском литературном языке. Их анализ позволяет увидеть новые смыслы в классических текстах. А. Эткинд также создает новые термины для обозначения гендерных структур литературного произведения, определяя их как *гомо- и гетеротекстуальные*. Гомотекстуальность — это такая гендерная структура, которая характеризуется совпадением пола автора и героя. К гетеротекстуальным относятся те произведения, авторы которых и их герои различаются по полу.

Анализ текстов В. Набокова позволяет сделать вывод о гомотекстуальности его произведений, сюжет которых раскрывается с позиций мужской субъективности; его гетеросексуальные герои-мужчины — рефлексивны, соблазнительны, мужественны и нарциссичны. Гомотекстуальность, таким образом, является существенным смысловым пластом текста. Такого рода гендерный анализ базовых текстуальных структур расширяет возможности интерпретаций, обнаруживая *сексуальное* как глубинный пласт творчества. Подобный подход позволяет по-новому посмотреть и на женскую прозу: в ее основе лежит гомотекстуальная гендерная структура, в рамках которой женщина-автор повествует о женском опыте.

Женская сексуальность, репрезентируемая в русской литературе и в литературных биографиях второй половины XIX века, является предметом культурологического исследования И. Жеребкиной. Как показывает автор, в литературном дискурсе сексуальность русской женщины маргинализована: любовь-страсть приводит к истерии. Реконструкция биографий «сопротивляющихся женщин» демонстрирует, что страсть и творчество являются способами самореализации в качестве субъекта *желания*.

Гендерная структура страсти ассиметрична: на дискурсивном уровне мужская страсть-игра «одерживает победу» над женской любовью-страстью. Субъектность женщины амбивалентна: она должна либо подчиниться патриархатному определению женственности, либо погибнуть в противостоянии. Женщина обладает единственным способом сексуальной субъективации — через телесные действия («симптомы говорят вместо нее»). Истерия таким образом символизирует протест женщины против ее объективации.

Важным для исследователя современной сексуальности оказывается, на наш взгляд, доказательство вторичности женского

желания и (как мы увидим в статьях авторов-социологов) женского сексуального статуса, соответствующих патриархатной интерпретации сексуально-гендерных ролей. Женская сексуальность до сих пор является маргинальной темой в российских исследованиях, и потому анализ текстуальных «корней» *инаковости* расширяет возможности теоретического осмысления женской субъективности.

В культурологических исследованиях сексуальность предстает как дискурсивный феномен, который творится в текстах и в биографиях, постоянно подвергаясь регулированию и нормотворчеству. Этот взгляд разделяют и исследователи сексуальности советского и постсоветского периодов.

Советский период российской модернизации, несмотря на радикальную гендерную политику в публичной сфере, во многом наследует культурные предписания дореволюционного времени. На смену дискуссиям 1920-х годов, богатым разнообразием точек зрения на сексуальность и проблематизирующим традиционные сексуальные практики, приходит «высокий сталинизм», контролирующий и репрессирующий сексуальность. В позднесоветский период наблюдается стратификация повседневной сексуальности, которая влияет на современный трансформационный контекст.

Второй раздел книги объединил статьи, которые рассматривают сексуальность в социально-стратификационном изменении, где критерием статусной позиции является не только доступ к ресурсам властно-распределительной системы, но и принадлежность к поколению, возрастной группе, социальной среде, гендеру.

Мозаичность сексуальных отношений в современном обществе, различия в представлениях и практиках интимной жизни иллюстрируются исследованиями различных социальных сред.

В этакратическом советском обществе сексуальность является «политическим вопросом». В статье Софьи Чуйкиной анализируется государственное регулирование интимной жизни в советском обществе и практики повседневной морали в различных социальных слоях. Единые для всех предписания советской нравственности рассогласуются с нормами семейно-брачных и сексуальных отношений, регулируемыми повседневную жизнь в разных социальных средах. Чем выше социальный статус, тем более «лицемерной» является приватная жизнь. В элитных слоях демонстрация прочности семьи, диктуемая официальным нравственным

кодексом, сочеталась с многочисленными практиками супружеской неверности и параллельных отношений. Исполнительские слои, охватывающие основные категории населения, могли в известной степени игнорировать предписания коммунистической морали и брачных сценариев сексуальности. Для низших слоев, аутсайдеров и парий, не ориентированных на высокие позиции советской карьеры, семейно-брачные отношения оставались сферой частной жизни. С. Чуйкина выделяет специфические стратегии семейно-брачных и интимных отношений, характерные для контркультурных, диссидентских, этнически гомогенных социальных сред и «старой интеллигенции из бывших», с консервативными взглядами на семейные ценности. Несмотря на то, что в официальном дискурсе сексуальность рассматривалась только в контексте семейно-брачных отношений, в повседневной жизни интимные отношения были более многообразными. Вследствие того что от соблюдения моральных предписаний зависел социальный статус индивидов, лицемерие становилось неизбежным. Анализ организации семейно-брачных отношений и интимной жизни в различных средах советского общества позволяет показать как недифференцированная идеология воплощается в дифференцированные практики повседневности. В маргинальных средах стратегии в сфере интимной жизни («сексуальные стратегии») могли выступать средствами утверждения коллективной идентичности.

Еще одним критерием социальной стратификации является принадлежность к определенному поколению. На основании анализа массива автобиографий, посвященных сексуальности, финская исследовательница Анна Роткирх выделяет несколько поколений, различающихся опытом сексуальной жизни. Первое советское поколение пережило опыт большевистских экспериментов в сфере быта и морали. Второе поколение — «поколение умолчания», для которого характерно сочетание репрессивного регулирования интимной сферы и социальной памяти сексуальных свобод. Следующие поколения пережили опыт, соответствующий двум фазам российской «сексуальной революции». Первая фаза — «поведенческая» революция позднесоветского времени, в процессе которой происходит персонализация интересов, распространяются практики сексуальной свободы. При этом официальный дискурс о сексуальности в целом остается неизменным. Вторая фаза — это период гласности, или артикуляции сексуальности, когда развиваются публичный дискурс и новое институци-

ональное обеспечение, ослабляется законодательное регулирование интимной сферы.

Трансформация российского общества существенным образом влияет на практики сексуальной жизни. Большинство исследователей связывают изменения в сфере сексуальности с развитием рыночных отношений, стратификацией общества, с одной стороны, и демократизацией и плюрализацией форм жизни — с другой. Рыночные отношения коммерциализируют сексуальность, которая становится предметом обмена и торга. Стратификационные процессы пронизывают повседневную жизнь: семейные, сексуальные, репродуктивные практики разных социальных слоев заметно различаются. На смену разрушенной государственной идеологической монополии приходят такие агенты контроля, как рынок, церковь, традиции, средства массовой информации, представляющие разные, иногда конкурирующие между собой, формы общественной морали. В результате наблюдается плюрализация сексуальной жизни в разных социальных средах. Дискурсивная открытость приводит к проблематизации разнообразных аспектов сексуальности, таких, как опыт гомосексуальных групп, сексуальное насилие и домогательство, дискриминация и эксплуатация сексуальности. Некоторые статьи этого издания посвящены анализу сексуальных практик в специфических, недавно артикулированных нуждающихся социальных средах.

Так, например, Светлана Ярошенко исследует семейно-брачные стратегии, любовь и сексуальное поведение бедных сельских жителей российского Севера — Республики Коми. Она отмечает, что в условиях анклавной экономической инволюции и материальной нужды семья становится важнейшей структурой выживания. Любовь и сексуальные отношения в этом случае оказываются на периферии человеческих потребностей. Семейные, репродуктивные, интимные практики подчиняются задачам повседневного выживания. Наблюдаются феномен сезонных семей, сожительство по расчету, использование сексуальности как средства выживания. Партнеры оцениваются в зависимости от их вклада в семейную экономику. Женщины не воспринимают необеспеченного мужчину как желаемого брачного партнера, даже если они поддерживают с ним интимные отношения. Мужчины предпочитают одиночество и случайные связи семейным обязанностям мужа и отца. В условиях нужды гендер еще в большей степени, чем обычно, становится стратегическим ресурсом. При этом

в сельской среде сохраняется традиционный общинный контроль за интимной жизнью жителей деревни. В таких условиях сексуальность не является автономной сферой удовольствия. Она подчиняется правилам жизни в нужде.

Еще одна социальная среда стала предметом исследования Екатерины Пушкаревой, которая анализирует сексуальные практики и аттитюды молодежной среды (тусовки) рабочей окраины Санкт-Петербурга. Для подростковой субкультуры характерно непостоянство сексуальных контактов, обмен партнерами внутри группы поддерживает солидарность сообщества. Для юношей сексуальный опыт становится капиталом — символом престижа и статуса: они презентуют себя как гиперсексуальных, агрессивных и физически сильных «настоящих» мужчин. У девушек сексуальность связана с привязанностями и влюбленностями, они вырабатывают практики женской солидарности, помогающие избежать нежелательных сексуальных отношений. Участие в тусовке является капиталом и для девушек, обеспечивая им безопасность и престиж, выступая средством выражения «настоящей» женственности.

Иными словами, авторы подтверждают, что либерализация сексуальности происходит в рамках социальной среды и ограничена нормами мужественности/женственности, предписываемыми представителям сообщества. Социальные барьеры сексуальной самореализации инвалидов на Западе и в России обсуждаются в статье Елены Ярской-Смирновой. Чаще всего инвалид рассматривается как субъект, не способный к «нормальной» сексуальной жизни. В репрезентациях и общественном сознании он предстает асексуальным или гиперсексуальным. При этом обсуждаются лишь проблемы сексуальности мужчины-инвалида. Инвалидность предстает как угроза истинной мужественности, дискурсивно определяемой через сексуальную активность. Мужчины, сопротивляясь стигме инвалидности, имеют шанс изменить свой статус — нормализовать свою сексуальную жизнь. Женщине-инвалиду в дискурсе такого шанса не предоставляется. В современном западном обществе люди с ограниченными возможностями, сопротивляясь стигме инвалидности, стремятся переопределить свои сексуальные и гендерные практики, предпринимая коллективные действия. В российском дискурсе до сих пор сохраняются недифференцированный образ инвалидности, представление об особых потребностях инвалидов в сфере сексуальности, отсутствует организация социальной ин-

фраструктуры. Таким образом, в отношении к сексуальности этой группы, несмотря на общую тенденцию либерализации, сохраняются лицемерные установки — общество делает вид, что подобных проблем не существует.

Итак, процессы либерализации и индивидуализации общественной жизни в сфере сексуальности сказываются на дифференциации поведенческих норм в разных социальных средах. В одних средах возможности выработки стратегий, изменяющих сложившийся сексуально-гендерный порядок, расширяются, в других — «сексуальные стратегии» ограничены культурными и структурными барьерами прошлого и современности.

В третий раздел книги включены статьи, посвященные исследованию различных сексуальных и репродуктивных практик. Авторы используют разные теоретические подходы для анализа сексуальности, однако их объединяет общая конструктивистская методология. Различия поколенческих, возрастных и гендерно маркированных опытов рассматриваются как контекстуально обусловленные, институционально и морально регулируемые.

Плюрализация и дифференциация современной сексуальной жизни находит выражение в различных интерпретациях таких опытов интимной жизни, как беременность, аборт, материнство, однополая любовь и проч. Поколенческие, возрастные и гендерные различия сексуального опыта анализируются на материале биографий об интимной жизни. Большинство авторов, работы которых представлены в этом разделе, использовали материалы российско-финского исследования, осуществленного в 1996—1997 годах в Санкт-Петербурге и явившегося частью крупномасштабного проекта «Социальные изменения и культурная инерция в России», поддержанного Академией Финляндии¹.

¹ Исследование сексуальности осуществлялось под руководством финских социологов Э. Хаавио-Маннилы, Й. Рууса и А. Роткирх и включало конкурс сексуальных биографий (организаторы — Е. Лагунова и А. Клецин; собрано 47 биографий), опрос жителей Санкт-Петербурга (1996 год, 2081 человек), интервью на тему сексуальности (координатор проекта — Е. Здравомыслова, 25 интервью с женщинами и 22 — с мужчинами трех возрастных групп). Интервью посвящалось широкому спектру вопросов, касающихся сексуальности, и включало следующие темы: детство, студенческие годы, брак, развод, вдовство, параллельные сексуальные отношения, отношения со стабильным партнером (партнерами), задавались вопросы, касающиеся обсуждения сексуальных отношений с партнером, любви, отношения к адюльтеру, сексуального насилия, секса под

Для анализа текстов жизнеописаний используется сценарный подход, получивший распространение в исследованиях сексуальности. Анна Темкина реконструирует шесть сценариев, или смысловых рамок, организующих рассказы о сексуальной жизни. Сценарии разных поколений различаются: по мере либерализации сексуальности способы ее интерпретации смещаются от семейно-романтической модели к коммуникативно-гедонистической. Способы репрезентации сексуальности в рассказах мужчин и женщин также существенно различаются. Независимо от конкретного сценария в основе рассказов женщин лежит представление о сексуальной востребованности, а в мужских — утверждаются представления об активной наступательной сексуальности «настоящего» мужчины. На фоне плюрализма практик воспроизводятся базовые различия, соответствующие идентичностям традиционного гендерного порядка.

Опыты женской сексуальности и репродуктивные практики стали предметом исследования нескольких авторов сборника. Наталья Яргомская, анализируя сексуальные дебюты женщин разных поколений, показывает, каким образом происходит изменение смысла сексуальной инициации. Представители старшего поколения осмысливают утрату девственности как изменение maritalного статуса, т. е. в рамках брачного сценария сексуальной жизни. Для младшего поколения (поколения гласности, или артикулированной сексуальности) характерно изменение сценария. Опыт дефлорации означает переход в новый статус — взрослой женщины. Для различных сценариев характерны разные женские идентичности. Брачный сценарий предполагает пассивную женскую роль: от женщины ожидается от-

давлением, детского сексуального опыта, ревности, контрацепции, абортов, деторождения, венерических заболеваний, сексуальных техник, гомосексуализма. Информанты также заполняли стандартную анкету, в которой фиксировались основные события их жизни.

Некоторые результаты исследования опубликованы на русском и английском языках: E. Naavio-Mannila & A. Rotkirch (1997, 2001), A. Rotkirch (1999a, 1999b, 1999c, 2000, 2000b), А. Темкина (1999a, 1999b), А. Temkina (2000), E. Zdravomyslova (2000), А. Роткирх (1997), Е. Герасимова (1997), Т. Бараулина и А. Ханжин (1997). Мы бы хотели поблагодарить тех, с кем мы сотрудничали на разных этапах осуществления данного проекта, — [Лизу Лагунову], Александра Клецина, Екатерину Герасимову, Андрея Ханжина, Наталью Божко, Ольгу Минкину, Елену Чикадзе, Ольгу Кириллову, а также выразить благодарность всем информантам, которые рассказали нам истории своей жизни.

сутствие знаний о сексуальности, «право» на сексуальную жизнь она получает только в браке. Когда брак перестает выступать референтом сексуальной инициации, девственность превращается в антиценность, дебют — в индивидуальное решение. Такой вектор изменения интерпретаций сексуального дебюта подтверждает тезис об индивидуализации сексуальных норм современной молодежи.

В исследованиях демонстрируется асимметрия и иерархичность гендерных отношений. Сексуальная активность приписывается мужчинам, оставаясь для женщин нелегитимной и угрожающей их коммуникативной успешности. Иными словами, исследования подтверждают тезис о либерализации сексуальности в условиях сохранения гендерной поляризации.

Гендерная поляризация и ее конфликтогенный потенциал продемонстрирован Еленой Здравомысловой на примере анализа нарратива о сексуальном насилии. Конкретная ситуация, о которой рассказывает информантка, возникла между ней — жительницей крупного города — и местными жителями-мужчинами во время летнего отдыха. Сексуальное насилие — избиение женщины рассматривается автором на основе анализа специфики позднесоветских гендерных отношений. Эти отношения интерпретируются как патриархатные, с одной стороны, и имперско-колониальные — с другой. Мужчины в анализируемом случае прибегают к насильственным действиям для утверждения и компенсации статуса истинной мужественности. В глазах местных мужчин приезжая городская женщина является представительницей чужой, «имперской», культуры. В ее глазах мужчины — это представители «экзотической» среды. Расшифровка культурной парадигмы насилия позволяет автору сделать вывод о том, что столкновение интерпретаций происходящего (женские коды не совпадают с мужскими, коды приезжей — с кодами местных жителей) приводит к избиению женщины. Насилие осмысливается как экстремальное средство контроля и наказания женщины, отказывающейся следовать «мужским» правилам. Сексуальное насилие исследуется как распространенный опыт позднесоветского времени, вписанный в гендерный порядок.

Репродуктивный опыт также является объектом морального и институционального контроля. В статье Татьяны Бараулиной убедительно демонстрируется, каким образом в российском обществе «правильная» женственность дискурсивно утверждается через материнство. Анализируя интерпретации массового для

российских женщин опыта аборта, исследовательница обнаруживает, что этот опыт осмысливается в рамках реализации материнского предназначения. Дискурсивно аборт является показателем репродуктивной способности женщины.

В советский период контроль репродуктивного поведения женщины осуществлялся моральными авторитетами, такими как государство, институты здравоохранения и персонифицированные агенты (в первую очередь — матери как носители повседневного знания). В постсоветский период агенты контроля репродуктивного поведения меняются. Роль государства ослабевает, возрастает влияние церкви, медицина из наказания превращается в сервисное обслуживание, развивается рынок контрацептивных средств, — все это приводит к тому, что репродуктивное поведение основывается на индивидуальном моральном выборе.

Тема контроля репродуктивных практик развивается в исследовании Юлии Белозеровой, посвященном опыту беременности. На основе анализа личной истории автор показывает, каким образом беременная женщина усваивает предписанные ей формальные и неформальные правила. В фокусе внимания исследовательницы — практики взаимодействия беременной женщины и медицинского персонала в женской консультации, которую она называет «(полу)тотальным» институтом. Контроль за «правильным исполнением» беременности включает предписания разной степени жесткости, которые задаются медицинским и экономическим институциональными контекстами. Медицинские рекомендации оправдываются профессиональной заботой о здоровье будущей матери и ее ребенка. Скудость бюджетного обеспечения бесплатных женских консультаций заставляет женщину использовать собственные ресурсы или постоянно испытывать последствия недостатка финансирования. От беременной женщины ожидается социально компетентное поведение, состоящее в исполнении формальных и неформальных правил, которым она обучается в процессе социальных взаимодействий.

Иными словами, и беременность, и материнство, и аборт предстают как институционально и морально регулируемые феномены, осуществление которых связано с выстраиванием «правильной» женственности, вписанной в гендерный порядок. Женственности обучаются в ходе усвоения институционально обеспеченных гендерных предписаний. При этом институционально регулируемое материнство остается ядром нормативной женской роли.

Женская субъектность контролируется также через «телесные предписания» и навязываемый образ тела. Как показывает Юлия Зеликова, социализация девочек в советский период способствовала формированию отчуждения от своего тела. Тело негативно оценивалось, скрывалось, позиционировалось как источник соблазнов. «Правильная» женщина должна была быть скромной, телесно индифферентной. Такое отношение к своему телу затем воспроизводилось в брачных и сексуальных взаимодействиях и становилось препятствием для получения сексуального удовольствия. Исследовательница показывает, как в повседневном опыте женщины преодолевали негативный образ собственного тела. Ресурсы были достаточно ограничены: к ним относятся практики «маскарада», забота о теле и удачный сексуальный опыт. Изменение отношения к телу является существенным показателем трансформации современной российской сексуальной культуры. Дискурсивный отказ от тела сменяется превращением его в символический капитал.

Взаимосвязь образа тела и самооценки сексуальной привлекательности является предметом исследования финских авторов Элины Хаавио-Маннилы, Семи Пурхонен и Тииму Турунена. Самооценка сексапильности определяется культурными предписаниями, среди которых особую роль играют нормы стройности. Результаты опросов в Финляндии и в Санкт-Петербурге показывают, что стройные люди считают себя более сексуально привлекательными. При этом культурный идеал «стройного тела» в большей степени интериоризован финскими женщинами, чем жительницами Санкт-Петербурга. Практики, которые используются для преодоления избыточного веса, также различаются. Если финские женщины в первую очередь используют диеты и занятия спортом, то российские — косметику и соответствующую одежду. Культурные различия можно объяснить наследием советского гендерного порядка, для которого характерно отчуждение телесности. Авторы высказывают предположение, что по мере дальнейшей сексуальной либерализации в России получат распространение западные образцы: тело будет становиться капиталом, стремление к достижению идеала — культурной нормой, которой люди подчиняются, даже не осознавая этого. Таким образом, исследования демонстрируют, как самооценки сексуальной привлекательности конструируются обществом, предписывающим женщинам (и мужчинам) нормы телесности.

Тема социального контроля сексуальности продолжается в исследованиях гомосексуального опыта и гомофобии. На материалах автобиографий Анна Роткирх анализирует опыт однополрой любви двух российских женщин, которые принадлежат к разным социальным слоям и поколениям. Исследовательница выделяет в нарративе относительно автономные аспекты сексуального опыта: ощущения, действия и само-интерпретации. Сочетание этих пластов формирует женскую субъектность. Первый тип субъектности характерен для позднесоветского периода. Его представляет биография провинциалки, принадлежащей к низшему социальному классу, годы формирования личности которой приходятся на период застоя. Рассказ фокусируется на практиках и ощущениях, характеризующих женскую гомосексуальность как *опыт страдания и нерефлексивного действия*. Второй тип реконструирован на примере биографии женщины, принадлежащей к среднему классу и поколению гласности. Ее идентичность создается через рефлекссию, рассказ интерпретирует собственный гомосексуальный опыт как опыт убежденной феминистки. Различия в осмыслении женщинами лесбийского опыта объясняются их принадлежностью к разным поколениям и социальным слоям. Анализ нарративов подтверждает, что сексуальный опыт и его интерпретация зависят от социального и темпорального контекста и контролируются общественными нормами.

Елена Омельченко исследует феномен современной гомофобии в провинциальной молодежной среде. За последние годы интерпретации сексуальности значительно либерализовались. В частности, терпимое отношение к гомосексуальности становится критерием принадлежности к *цивилизованной* молодежной тусовке, где поощряется проявление инаковости, индивидуальности. Опыт общения с «другими» повышает толерантность молодых людей, снижает уровень страхов. Однако «исцеляющему» знанию препятствуют многочисленные механизмы исключения: обозначения гомосексуалов как меньшинства, как преступников, как скрывающихся, как чужих и опасных, как убогих. Важнейшей причиной воспроизводящейся гомофобии является «гендерная тревога», вызванная боязнью утратить «правильную» мужскую идентичность. Как ни парадоксально, эту тревогу разделяют и гетеро-, и гомосексуалы. Мужчины-гомосексуалы интерпретируют свой сексуальный опыт как одно из возможных проявлений маскулинности.

Итак, анализ разнообразных сексуальных опытов показывает, что тенденции либерализации сексуальной жизни сочетаются с сохранением эссенциализма в интерпретации гендерной идентичности. В ходе трансформации множественность признаваемых форм и практик сексуальности развивается на фоне устойчивых биологизированных гендерных самоопределений. При всей вариативности допустимых сценариев сексуальности «мужчины» и «женщины» осмысливаются как два природно заданных поляризованных мира. Такое гендерное устройство общества поддерживается трансформирующимися институциональными условиями и практиками повседневности.

В четвертом разделе книги анализируются репрезентации сексуальности в медиадискурсе. Массмедиа выступают в качестве «технологий гендера», производящих представления о гендерных и сексуальных различиях. Альмира Усманова показывает, как в белорусских средствах массовой информации репрезентации сексуальности становятся средствами политического манипулирования. Темы сексуальности превращаются в инструменты политической борьбы. Создаваемый образ белорусской оппозиции включает представление ее как «простирующего субъекта» и гомосексуального сообщества. Универсальная дискурсивная технология «исключения» отождествляет противников режима с гомосексуалами. Политические оппоненты режима наделяются качествами сексуальности, не приемлемой в системе патриархатного порядка.

Нормативная маскулинность является предметом исследования медиадискурса, проведенного Жанной Черновой. Автор показывает, как в современных российских журналах формируется образ нормативной маскулинности — «мачо». В его основе лежат эссенциалистские представления о гипер/гетеросексуальности мужчины, имеющего множество сексуальных партнерш. Такая сексуальность предстает в медиадискурсе как биологическая потребность «настоящего» мужчины. Репрезентации гетеросексуальных отношений характеризуются гендерной асимметрией. Норма сексуального поведения женщины противоположна мужской гиперсексуальности: в ее поведении не допускается активность и многообразие сексуального опыта.

Итак, массмедийный дискурс является технологией, по-прежнему утверждающей асимметрию гендерных предписаний.

В последней, *пятой, части книги* обсуждаются методические проблемы исследования сексуальности как сферы повседневной жизни. Авторы отдают себе отчет в сложностях изучения нового дискурсивного феномена и в необходимости разработки специальных приемов сбора и анализа данных. Раздел включает статьи, посвященные этнометодологическому анализу интервью об интимной жизни и методике дискурсивного анализа.

Олег Паченков рассматривает интервью о сексуальном опыте как процесс взаимодействия, фоном которого является нерелексированное знание сексуальной культуры, разделяемое исследователем и информантом. Этнометодологический анализ умолчания, недомолвок и эвфемизмов показывает, что многие аспекты сексуальной жизни остаются за рамками вербализации. Проблематизация «ошибок» интервью помогает исследователям осмысливать культурно обусловленные способы обсуждения интимной повседневности.

Е. Здравомыслова и А. Темкина представляют методику анализа рассказов о повседневной жизни, которая использовалась многими авторами данного сборника. Приемы дискурсивного анализа сексуальных автобиографий позволяют реконструировать системы категорий, с помощью которых рассказчики интерпретируют разные аспекты интимного опыта, — восприятие тела, сексуальный дебют, беременность, аборт, материнство, сексуальное насилие и проч. В статье демонстрируется применение методики для анализа гендерной идентичности.

Итак, обзор исследований, представленных в данном сборнике, позволяет сделать следующие выводы.

Сексуальная жизнь современного российского общества является сложной, относительно автономной, динамичной сферой. Ее изменения осмысливаются нами как аспект трансформации гендерного порядка. Либерализация сексуальности подтверждается всеми исследователями. Наряду с дискурсивной открытостью и коммерциализацией одним из существенных проявлений этой тенденции становится множественность сексуальных практик и дискурсов. Важнейшие факторы, определяющие дифференциацию сексуальности — это поколенческие и средовые различия. Индивиды, принадлежащие к разным поколениям и средам, осмысливают пережитый сексуальный опыт по-разному. Иногда различия в репрезентациях интимного опыта столь

велики, что можно говорить о разных гендерных группах. При этом основная рамка интерпретации перипетий сексуальной жизни остается эссенциалистской. Все разнообразие сводится к воспроизводству базовой дихотомии гендерной идентичности — мужской и женской. Сексуальность истинной мужественности презентуется как активная и наступательная; истинная женственность сохраняет черты сексуального объекта. Такая концепция поляризованной биологизированной сексуальности составляет ядро социального контроля, управляющего интимной жизнью индивидов и групп.

